

Люди и судьбы

Л.В. Козмина

Плавающие символы мифотворчества

*«...перенестись... глубоко в даль ушедших
времен не так-то просто – здесь легко
сфальшивить, нарисовать какую-либо
историческую «развесистую клюкву».¹*

М.Жаров

*«Ты богат, я очень беден;
Ты прозаик, я поэт». (II, 130)**

А.С.Пушкин

Давно сложилась традиция, связывающая творческую биографию А.С.Пушкина с историческими реалиями рукотворности его предков на псковской земле. Но изменяющиеся эпохи привносят новые символы в интерпретацию следов «владений дедовских», взрыхляя, таким образом, «ганнибаловский миф». Сегодня одна из составляющих «ганнибаловского мифотворчества» – эта антитеза «Пушкин начало всех начал» и «О чем Пушкин не знал», во многом обусловленная ходом исследовательского процесса исторического краеведения. Здесь нужно заметить, что в новейших краеведческих исследованиях появилась тенденция опускать литературную составляющую в отображении историко-биографических фактов и событий. Например, Е.А.Ступина², разъясняя «незнакомому, младому племени» важность прозаич-

ческих реалий, вступает в прямое оппонирование с поэтом Пушкиным. Твердость её принципам придает то, что «о жизни А.П.Ганнибала мы знаем довольно много, гораздо больше того, что знал о нём когда-то А.С.Пушкин». В результате, как весьма осведомленный о деяниях прадеда поэта, автор статьи иронически замечает: «Конечно, А.С.Пушкина не интересовали бытовые подробности жизни прадеда, его распоряжения по хозяйству и постройке скотного двора («Тьфу, прозаические бредни!»). Сходство судеб (поэта с прадедом А.П.Ганнибалом – Л.К.), положение “ссылочного невольника” – вот предмет, достойный поэзии». Так как «прозаические бредни» не входят в эстетическую систему поэта, у исследователя появляется соблазн не только «поправить» Пушкина, но заодно и «пожурить» его за незнание или нежелание узнать о весьма важном семейном документе. «Ведь сохранилась же в бумагах поэта, - назидательно замечает автор статьи, - копия челобитной А.П.Ганнибала о присвоении герба» («Родом я, низжайший, из Африки»), документа вполне поэтического». А между тем челобитная декабря 1741 года -

Козмина Любовь Владимировна – кандидат филологических наук, зам. директора музея-заповедника А.С.Пушкина «Михайловское»

*Здесь и ниже произведения А.С.Пушкина цитируются по изд.: Пушкин. Полн. Собр. Соч. Тт. 1 – 16. АН СССР. 1937 1939. Отсылки к этому изданию (с указанием тома и страницы) приводятся в тексте.

документ в буквальном смысле слова прозаический, где «униженное вымаливание куска хлеба себе и детям» в виде царских земель в Псковской губернии «явно проигрывало легенде «Немецкой биографии». Знал бы поэт Пушкин, что «под гербовой <...> печатью» не ту челобитную прадеда в «кипе грамот схоронил» (Ш,262), глядишь, перевод «Немецкой биографии» прадеда, приукрашенной семейной легендой, был бы весьма прозаическим, тогда и жизнеописание Ганнибала в художественном романе соответствовало бы подлинным фактам.

Если следовать за ходом прозаических предположений Е.А.Ступиной, то, прежде всего, необходимо указать на поспешные теоретические выводы, которые на практике при всем желании исследователя не могли быть и не могут быть в реальности. Сразу же особо отметим, представленные в работе исследователя фрагменты челобитной А.П.Ганнибала, в которой он просит Михайловскую губу в Псковской губернии, безусловно, заслуживают внимания в изучении судьбы царского арапа и истории его вотчинного хозяйства. Однако, говоря о челобитной декабря 1741 года, необходимо провести параллель с Жалованной грамотой³ 1746 года. Приведенный документ автором статьи подтверждает означенную просьбу прадеда Пушкина в данной грамоте.* Так как все исследователи, на работы которых опирается Е.А.Ступина, упоминая о грамоте, не воспроизводят её текст, то мы считаем необходимым представить содержание Жалованной грамоты.

«[После обычного перечисления царских титулов]: Объявляем через сие, что мы Наше императорское Величество поимянному Нашего Императорского Величества указу заподписанием собственныя наша руки Генваря 12 дня минувшего 1742 году Генералу Мазору и Ревельскому обер коменданту Аврааму Ганнибалу, в рассуждении блаженныя и вечной славы достойныя памяти к родителям Нашим государям их Императорским Величествам их Нам оказанных долговременных верных его заслуг всемилостивейше пожаловали во псковском уезде пригорода Воронича Михайловс-

* Подлинник Жалованной грамоты находится во Всероссийском музее А.С.Пушкина, копия в экспозиции музея Ганнибалов, предков поэта в усадьбе Петровское.

кую губу. Которая после кончины блаженной памяти царевны Екатерины Ивановны прописана к Нашему дворцу а воной поведомости из Нашей дворцовой конторы показано по переписи Генералитетской пятьсот шестьдесят девять душ совсем к ней надлежавшими землями вечное владение. **А понеже упомянутый наш Генерал Мазор и обер комендант всеподданейше нас просил дать** (выделено нами. – Л.К.), мы Наше Императорское Величество из особенной Нашей Высочайшей Императорской милости сим и силой Нашей жалованной Грамоты за ним Генерал Мазором и обер комендантом Ганнибалом и потомками его оную Михайловскую губу со всеми к ней принадлежавшими землями всемилостивейше утверждаем оную ему и потомкам его продать, заложить, и совсякие крепости укрепить позволяем и притом всем нашим управителям и прочим до кого сие касаться может именно повелеваем показанного Генерал Мазора и обер коменданта Ганнибала и потомков его нетоко в спокойном владении и пользовании вышеназванной Михайловской губы со всеми к ней принадлежавшими землями содержать но и никакого препятствия в том не чинить и при потребном случае обиды подлежащими мерами защищать и охранять. В утверждении же всего того мы Нашу Императорского Величества жалованную Грамоту Нашей Собственной рукою подпись соезволили и государственной печатью укрепить повелели. Дано в Санкт-Петербурге лета 1746 февраля шестого дня царствования Нашего пятого года.

/Подписано/ Елизавета.

/Внизу подпись/ канцлер граф Алексей Бестужев-Рюмин».

По заслуженному праву А.П.Ганнибал просил Михайловскую губу «себе и детям на кусок хлеба» у императрицы Елизаветы Петровны, дочери Петра I. Ко времени царствования Елизаветы прадед Пушкина остался единственным в живых из числа «птенцов гнезда Петрова», да к тому же не отступивший от деяний своего пращура, о чем свидетельствуют его многочисленные письма. По утверждению исследователя, челобитная декабря 1741 года, «на сегодняшний день единственный автобиографический документ, где А.П.Ганнибал упоминает о тяготах своей сибирской ссылки и жизни в отставке». Но позволим не согласить-

ся с таким заявлением. Опубликованное эпистолярное наследие прадеда Пушкина - письма к А.П.Волконской, И.А. Черкасову, цесаревне Анне Петровне, старшей дочери Петра I, камер-юнкеру П.Сумарокову, А.Б.Бутурлину и челобитные к Петру II, императрице Анне Иоанновне, повествующие о подробностях ссыльного положения А.П.Ганнибала,⁴ - это разве не автобиографические документы? Данная челобитная еще раз свидетельствует, через какие злоключения пришлось пройти крестнику Петра Великого и, несмотря на «крайнюю нужду», выстоять.

С другой стороны, А.П.Ганнибал имел уже опыт «вымаливать» «себе и детям кусок хлеба». В конце 1740 года он подает челобитную правительнице Анне Леопольдовне о приеме на военную службу и одновременно спрашивает у неё на вспомоществование земельные угодья. 23 января 1741 года «за долговременные и беспорочные его службы».

Ганнибал был произведен в полковники и определен в Ревельский гарнизон. Этим же указом ему были пожалованы на содержание «безарендно, по его смерть» в Ревельском уезде 8 душ в деревне Раголе.⁵ Кстати, деревню Раголу он повторно спрашивал у Елизаветы «в вечное потомство»⁶ сразу же после Указа от 12 января 1742 года о «введении» его «во владение» Михайловской губы. К тому же заметим, подобная форма обращения была свойственна в Русском государстве XV - XVIII веков, когда просящий для достижения цели самоуничижительным образом в челобитной на имя государя или местной власти излагает свою просьбу.

Знал Пушкин или не знал, каким образом прадед его стал обладателем Михайловской губы? О существовании Жалованной грамоты, находящейся у двоюродного деда П. А. Ганнибала, которого поэт навещал в 1817 году и во время Михайловской ссылки,⁷ Пушкин не мог не знать. Именно Жалованная грамота помогла потомкам царского арапа стать «родовитыми» дворянами, а не герб, которого Ганнибал так и не дождался. Поэта-правнука вовсе не должно было удивить то, что Михайловская губа пожалована прадеду по его же просьбе. Равно так же, как и его ходатайство о присвоении герба, в котором Ганнибал, обращаясь к Елизавете после полученных земель в Псковской губернии, просит, чтобы «Указом повеле-

но было, дворянство моё ... подтвердить и в память потомкам моим знак ВЫСОЧАЙШЕЙ ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО <ВЕЛИЧЕСТВА> милости, Гербом меня пожаловать». Кстати, здесь нужно обратить внимание на то, что Ганнибал утратил уже страх, передаваемый в письмах и челобитных предшествующим императорам и властителям его судьбы, так как теперь он находится под особым покровительством, и поэтому уверен в достижении желаемого успеха в своих адресованных прошениях к Елизавете. «Всепопданнейший раб» Пушкин хорошо знал, что просительство «за верную и беспорочную службу» и во благо потомства не являлось зазорным в представлении людей прошедшей эпохи и особенно после утвержденного закона «Табели о рангах» 24 января 1722 года Петром Великим. Неслучайно на полях «Немецкой биографии» А.П.Ганнибала Пушкин сделал помету: «А.П. был действительно заслуженный генерал русской службы».⁸ Вследствие этого отметим, сделанное замечание поэтом в «Отрывках из писем, мыслей и замечаний» выражает нравственно-эстетическую позицию Пушкина в отношении собственного самостояния во взаимосвязи с деяниями предков: «“Государственное правило”, - говорил Карамзин, - ставит уважение к предкам в достоинство гражданину образованному”. <...> Бескорыстная мысль, что внуки будут уважены за имя, нами им переданное, не есть ли благороднейшая надежда человеческого сердца?» (XII, 55).

Однако прозаические размышления над стихотворными произведениями поэта приводят исследователя в изумление от «не знаний» Пушкина: «Через 75 лет здесь же (в Михайловском. - Л.К.) его правнук пишет в своем послании «К Языкову» о том, как жил в этих местах его прадед». До чего же наивный поэт Пушкин - он «оказывается» не знал, что его прадед «жизнь окончил с покоем» в Суйде под Петербургом, и «с уверенностью относит время пребывания прадеда в своих псковских деревнях к временам Екатерины». Какие ошеломляющие открытия демонстрирует Е.А.Ступина, истолковывая исторические документы и произведения Пушкина. При подобной интерпретации источников необходимо обратить внимание на замечание Пушкина: «поэзия вымысел и ничего с прозаической истиной жизни общего не

имеет» (XI, 175). Судьба прадеда в поэтическом освещении Пушкина или в художественной прозе была фактом литературы. Пушкин в своих поэтических и историко-художественных произведениях, в частности в послании «К Языкову», «Борисе Годунове», «Арапе Петра Великого», контаминирует, то есть намерено сближает (смешивает) эпохи, события, судьбы и пр. Какие уж тут «странные сближенья»?

Возражения вызывают весьма неубедительные предположения Е.А.Ступиной в изложении об историческом существовании деревни Рысцово, входившей в число пожалованных деревень А.П.Ганнибалу. К сожалению, исследователь не указывает источник, который сообщает о «новопостроенном дворце» в предполагаемой ею дате, в конце 1741 года, «что была деревня Рысцово». Вероятно, о «новопостроенном дворце» в Рысцово имеются сведения в ганнибаловской челобитной, которая «сопровождается справкой из дворцовой конторы со списком деревень Михайловской губы по сведениям на декабрь 1741 года», так как исследователь делает сенсационный вывод: «Упоминание об этом дворце – также новая и важная информация <...> Ведь это означает, что А.П.Ганнибал вместе с землями получает и готовый административно-хозяйственный центр». «Чтобы хоть как-то представить себе дворец в д. Рысцово», Е.А.Ступина предлагает описание государева двора в селе Пыркине Пензенского уезда и помещичий двор в селе Архангельском Московского уезда. Представляя образцы, автор статьи пишет: «у Екатерины Иоанновны подобный дворец-житник был в Никольской Устинской волости под Псковом». Заметим, что Михайловская губа (большая её часть) была пожалована прадеду Пушкина из дворцовых земель, которые ранее принадлежали царевне Екатерине Иоанновне, вплоть до её кончины, то есть до 1733 года. Стало быть, дворец в Рысцово, если исходить от названной исследователем даты, строился во время царствования правительницы Анны Леопольдовны. Однако в сноске № 23 Е.А.Ступина, ссылаясь на «Дела за 1740-1741 гг., - опись дворца житника Псковских дворцовых волостей при передаче дел новому управителю с приложением ведомости», пишет: «...во всяком случае, никаких конкретных упоминаний воронцовских волостей, деревни Рысцово или новопостроенности дворца обнаружить не удалось».

Но что заставляет Е.А.Ступину упорно выстраивать мираж «новопостроенного дворца»? И хотя у исследователя «для предположений пока не очень много информации», она считает, что «административно-хозяйственный центр» в Рысцово функционировал «по крайней мере, до 1744 года – времени переселения бобылей* в Мелетовскую засаду». То есть, если следовать за ходом размышлений исследователя, бобыли были отправлены из Рысцово в образованную, «очевидно, согласно распоряжению Абрама Петровича»⁹, новую деревню Заболотье, Мелетовской засады, Псковского уезда после того, когда был перенесен административно-хозяйственный центр в Петровское.** «Появление через несколько лет Петровского, - пишет Е.А.Ступина, - рядом, всего через два озера (если бы не молодой лес на берегах Маленца, от Рысцова (деревня находилась на месте «трех сосен». – Л.К.) было бы и сейчас видно Петровское) также становится более значимо, чем возникновение просто хозяйственного центра». Значимость, по определению исследователя, предает Петровскому то, что оно «обустраивалось изначально как место пребывания детей А.П.Ганнибала». Неужели и в самом деле Петровское «станется бо-

* Бобыли – главным образом обедневшие феодально-зависимые люди, которые не несли государственного тягла. Они платили своему владельцу оброк - бобыльщину. Впервые бобыли упоминаются в Псковской летописи под 1500 годом. Постепенно по юридическому положению они сближались с крестьянами. По указу о подворном обложении 1679 года бобыли, жившие в собственных дворах, были приравнены в податном отношении к крестьянам; бездворные бобыли продолжали оставаться вне тягла. После введения подушной подати в 1724 году бобыли слились с крестьянами. В просторечье бобыли – обнищавшие, одинокие, бездомные люди.

** Здесь необходимо обратить внимание на весьма интересное сообщение в «Памятной книжке Псковской губернии», вышедшей в 90-х годах XIX века. В нем говорится: «В Пскове на месте сада около театра было ветхое здание старого дворца Екатерины Иоанновны, а неподалеку, по Губернаторской улице (ныне улица Некрасова) находились развалины дома А.П.Ганнибала, приобретенные помещиком Яхонтовым». Может быть, для ремонта приобретенного дома или возведения нового бобыли были перевезены поближе к Пскову? – См.: Самойлов Н. По памятным местам. //Газета «Вперед». 4 июня 1971, с. 4.

лее значимо» лишь только потому, что рачительный Ганнибал перенёс «готовый административно-хозяйственный центр» для малолетних детей, которые почему-то не могли жить в «новопостроенном» дворце в Рысцово?

По предположению Е.А.Ступиной, дети были оставлены на попечение старшей 15-летней дочери Евдокии¹⁰ в Петровском (Евдокия - дочь Ганнибала от первого брака с гречанкой Евдокией Диопер. – Л.К.). «Косвенным подтверждением того, что Христина Матвеевна не жила с детьми в Петровском», для исследователя «является информация А.М.Бессоновой¹¹ о рождении сына Исаака в 1747 году в Петербурге», а также «документ, который можно», как считает Е.А.Ступина, «предположительно датировать 1749 годом». Безусловно, недатированный документ содержит интригующую информацию, требующую предельно внимательного анализа. В представленном документе значится, что среди лиц первых пяти классов, проживающих в Санкт-Петербурге с супругами и дочерьми, девицами «совершенных лет», указан «генерал-майор Ганнибал с супругой», которая «больна».¹² Так как в документе «не указана их дочь Евдокия», но она упоминается в «Исповедных росписях» пригорода Воронича Воскресенской церкви среди других детей «господина генерала-майора Абрама Петровича» в 1746 году,¹³ и, вероятно, в последующих годах – 1747 - 49,¹⁴ исследователь делает вывод, что именно Евдокии, как совершеннолетней дочери,¹⁵ супруги Ганнибалы отдали на попечительство четырех малолетних детей. При этом известный факт, что прабабка поэта принадлежала к протестантской вере, не учитывается. А между тем собственно поэтому Х. М. Ганнибал не упоминается в «Исповедальных росписях» церкви Воскресения: как лютеранка, она не могла посещать православную церковь.

Ключевым аргументом отсутствия Х.М.Ганнибал в Петровском все же для исследователя является её подвижническая роль в государственной деятельности мужа, который «в 1745 году покидает Ревель, покупает дом в Петербурге¹⁶, но служба требует его перемещения по границам со Швецией». И Е.А.Ступина делает вывод: «не исключено, что сопровождает его и помогает налаживать неформальные контакты со шведской стороной жена,

шведка по отцу». Вот оказывается почему «Петровское обустроивалось изначально как место пребывания детей А.П.Ганнибала». Весьма головокружительная модификация исследовательского откровения! Наконец-то созданы портреты прабабки поэта и её падчерицы. Главное - это их взаимоотношения, которые были настолько доверительными, что Х.М.Ганнибал¹⁷ без боязни оставляет своих малолетних детей с пятнадцатилетней падчерицей Евдокией. К тому же в деревне, которая от Петербурга находилась более чем в четырехстах верстах. Колоритной личностью предстаёт и царский арап, Петров крестник. Чтобы отстоять нерушимость границ отечества, отвоеванных у шведов пращуром, он, как истинный последователь петровских преобразований: одну жену в монастырь, другую в обоз, а куда ж детей, - «в глушь лесов сосновых». Таков пассаж, право слово, впервые во всем обзоре исследовательского экскурса в биографические этапы жизнедеятельности прадеда Пушкина А.П.Ганнибала. Но, если уж продолжать фантазировать, то почему малолетние дети не могли жить со старшей дочерью Евдокией в приобретенном 31 мая 1745 года Ганнибалом доме с постройками около него, садом и двором «на Васильевском острове во второй линии на Малой першпективе» в Петербурге? Или в обустроенной деревне Раголе под Ревелем, коль речь идет о дипломатической миссии супругов со Швецией? Неужели на Евдокию кроме воспитания четырех малолетних братьев и сестёр ещё и возлагались заботы по требующим «хозяйского» догляда за всем тем, что происходило в перенесенном из Рысцово в Петровское административно-хозяйственном центре?

При всем желании логики в так называемом открытии обнаружить невозможно: зачем и для чего понадобилось наводить столько туману? Хотя сквозь дым проглядывает целевая установка в данной статье моделируемой версии «новопостроенного» дворца. Е.А.Ступина утвердительно пишет: «не исключено, что постройки Петровского были, полностью или частично, возведены из строительных материалов рысцовского дворца. Тогда вид, по крайней мере, хозяйственных построек в Петровском ничем не отличался от аналогичных казенных построек «государева дворца». То есть «конюшни, скотный и житный дворы, приказная

изба, мельницы и другие традиционные постройки», которые «были похожи, с одной лишь особенностью: дворец в Рысцово был «новопостроенный» в конце 1741 года, в 1737 году его ещё не было; соответственно не было в нём ветхих строений». Однако принять желаемую «действительность» не представляется возможным, так как возникает практический вопрос, куда делся перенесённый из Рысцова «новопостроенный» дворец в Петровское? На Межевом плане сельца Петровского 1786 года¹⁸ нет ничего, что напоминало бы хотя бы какую-то малую часть из представленных в статье Е.А. Ступиной государева или помещичьего двора с перечисленным набором построек. Разобрать к этому времени уже «ветхие» строения из рысцовского «новопостроенного» дворца сын царского арапа П.А.Ганнибал ещё не мог, так как согласно документам он «прописался» в Петровском в 1793 году.¹⁹ Всё оказывается просто: проведенная реконструкция²⁰ в Петровском в 1999-2001 годах не соответствует историческим изыскам исследователя. И все-таки, хотелось бы получить внятное объяснение, что в понимании исследователя означает дворец, дворец-житник, административно-хозяйственный центр и просто хозяйственный центр первой половины XVIII века?

Однако заметим, Е.А.Ступина – молодой исследователь новейших времен, только приступивший к «открытиям». Здесь понятна рьяность, обуреваемая пионерством и одержимостью безапелляционных утверждений. Но как можно объяснить позицию Н.К.Телетовой, исследователя с большим опытом? Не беремся полемизировать, кто на месте деревни Поршугово,²¹ находившейся рядом с деревней Косохново, построил усадище Генварское, - А.П.Ганнибал для сына Иосифа (Осипа) или сам О.А.Ганнибал, когда получил в наследство Михайловское (Зуёво, Устье) с означенными деревнями? Н.К.Телетова считает, что усадище Генварское воссоздано на месте деревни Косохново О.А.Ганнибалом в конце 80-х и 90-х годах XVIII века. И подкрепляя свою версию, исследователь обращает внимание читателя на то, что, «странствуя по окрестностям Михайловского, Пушкин, конечно же, бывал и в Косохново-Генварском с недостроенным домом деда. Именно отсюда, и ниоткуда более, видно все озеро Кучане, которое «синяя, стелется

широко». Эта картина озера ни из Михайловского, ни из Петровского, ни с каких-либо иных точек не предстает взору такой объемной и обобщенной, во всем своем покойном и пустынном просторе:

<...> Через его неведомые воды
Плывет рыбак и тянет за собой
Убогий невод. По берегам отлогим
Рассеяны деревни <...> (III,399).²²

Вызывает недоумение, какими средствами можно активизировать ассоциативное видение, чтобы взору предстало озеро «во всем своем <...> пустынном просторе», так как топография месторасположения Косохново-Генварского противоречит логике изложения исследователя. Косохново стоит на возвышенности, которая плавно сливается в южной части деревни с другим взгорьем. За ручьем деревни Косохново в сторону Михайловского возвышается третье взгорье с густым лесным массивом, холмисто переходя до низины озерного зеркала. Оно выше, чем та возвышенность, на которой находится деревня Косохново и в прошлом усадище Генварское. Таким образом, если даже допустить, что рельеф в пушкинское время был без лесных возвышенностей, то вряд ли можно с расстояния 3-4-х километров через перекаты холмов разглядеть почти на горизонте, «объемно и обобщенно» стелящееся широко озеро, да еще с парусом рыбака, тянущего «убогий невод». По всей видимости, нужно попытаться водоём ледникового происхождения искусственно придвинуть к подножию горы и вызвать, таким образом, желаемый исследователю эффект. Виртуально перенести произведение Пушкина, быть может, можно со всеми обозначенными поэтом в нем реалиями - «холм лесистый», «три сосны», «опальный домик», но созданное природой озеро, увы, неосуществимо. Поэтому нам представляется такая интерпретация явной натяжкой.

Кроме вотчинных владений и государственной службы А.П.Ганнибала, пристальному вниманию заслуживает и его книжное собрание. Прделанная научно-прикладная работа по систематизированию материалов Е.А. Ступиной,²³ относящихся к библиотеке Ганнибала, чрезвычайно важна. Ценность данной работы заключается в том, что впервые дана сводная таблица книжного собрания А.П.Ганнибала по спискам, хранящимся в Санкт-Пе-

тербургском филиале Архива Российской Академии наук с переводом названий книг на русский язык.

Не убеждают некоторые выводы прокомментированного Е.А.Ступиной текста челобитной А.П.Ганнибала от 23 ноября 1726 года. Поданная челобитная Екатерине I – это выражение благодарности за гонорар книги «Геометрия и фортификация», над которой Ганнибал работал по заданию Петра I и которую он преподнёс с дарственным посвящением императрице. В первом пункте благодарности Ганнибал снова, как и в посвящении, пишет о том, что он по указу Петра I в 1723 году был «пожалован чином лейб-гвардии лейтенанта в бомбардирскую роту Преображенского полка». Тем же указом ему было поручено «обучать того полку унтер-офицеров и солдат инженерству», которых он и «ныне» обучает и «впредь» желает «показать по должности <...> полезный труд». Но, так как прадед Пушкина не благодарит Екатерину I за то, что она его назначила преподавать математику внуку Петра I, Е.А.Ступина однозначно «ставит под сомнение информацию Немецкой биографии об обучении в это время Ганнибалом будущего императора Петра II».²⁴ Исследователь, конечно, имеет право на свою версию, но благодарственная челобитная, как нам представляется, содержит более основательные смысловые противовесы.

При сравнении текстов посвящения и челобитной, нужно заметить, что такова вообще манера Ганнибалова письма, – как бы кругами; высказав некую мысль, он продолжает её развивать, многократно перечисляя все какие есть возможности, чтобы обратить внимание адресата на важность происходящего. Он как бы муссирует мысль, что в новых условиях набирает силу фаворит А.Д.Меншиков, что в борьбе за власть между Светлейшим князем Александром Даниловичем и Долгорукими преобразования его великого пращура всё более оказываются под угрозой. Осознавая, что Меншиков в достижении цели расправится со всеми сподвижниками Петра, он закономерно оказывается в оппозиционном кружке Бестужевых и А.П.Волконской. Поэтому естественным устремлением его натуры выполнять заветы Петра для него приоритетнее, чем просто поблагодарить императрицу за предоставлен-

ную возможность давать уроки математики цесаревичу Петру Алексеевичу.

С другой стороны, обратим внимание на немаловажный факт в предпринятых действиях Ганнибала, когда он оказывается у китайской стены. Узнав о коронации Петра II, Ганнибал сразу же посылает ему челобитную²⁵ из Селенгинска в надежде на заступничество и на возвращение его в Преображенский полк, в котором «служу я вашему императорскому величеству <...> с 1717 года». Чтобы показать свою наибольшую полезность, Ганнибал сообщает, что здесь, в Селенгинске, «я, раб Вашего Императорского Величества, живу без всякого дела, чему уже идет третий год и без всякого определения, умираю голодною смертью без вашего императорского жалования». И обрек его на невыносимое положение «бывший генералиссимус», так как «послал для своего партикулярного интереса и по злобе, и по наущению его креатур» возводить крепость, которая «на оном месте строению никакому быть невозможно». При этом, обращаясь к Петру II, Ганнибал хорошо был осведомлен через своих друзей, что под влиянием старой боярской аристократии во главе с Долгорукими император объявил себя противником преобразований Петра I. Несмотря на сложившиеся обстоятельства, которые явно противоречили упованиям Ганнибала, он в письме к А.П.Волконской пишет: «Я надеюсь, что скоро будут короновать его величество и будут показывать многим людям милосердие, хотя мы и не в тех числах, да что же делать...».²⁶ Но, судя по тому, что Ганнибал выехал в Тобольск, не дожидаясь императорского решения, в благополучном исходе он был уверен. Однако челобитная черного воспитателя Петра Алексеевича попала в руки влиятельным Долгоруковым, для которых осведомленный царский арап был так же удобен, как и низложенному Меншикову.

Требуют уточнений и дополнений приведенные сведения Е.А.Ступиной о двенадцати «Четьи-Минях»²⁷, принадлежащих А.П.Ганнибалу, которые он «дал вкладу» 21 июня 1775 года церкви Воскресения в Суйде. В 1937 году в № 34 Литературная газета сообщила: «Пушкинской комиссией Академии наук СССР через научного сотрудника Е.С.Гладкову получено 11 книг, хранившихся в позднейшей церкви с. Суйда. [...] Девять из редчайших книг пере-

даны на хранение в архив Пушкинского Дома, две – краеведческому музею Красногвардейска». Т.Лазарева в газете «Вечерний Ленинград» от 17 марта 1972 года поведала читателям о «Минее» на январь месяц с вкладной записью А.П.Ганнибала, которая предположительно была приобретена от коллекционера А.Н.Лбовского²⁸ из Суйды Пушкинским Домом. Опираясь на газетные статьи, Е.А.Ступина пишет, что в 1937 году зафиксировано существование 11 книг из 12 и что судьба девяти книг неизвестна, т.е. тех «Миней», которые в 1937 году были переданы в архив Пушкинского Дома. При этом, представляя находящуюся в экспозиции дома-музея Ганнибалов в Петровском «Минее» на сентябрь 1768 года, как одну из 12 книг А.П.Ганнибала, Е.А.Ступина не задаётся вопросом приобретения Пушкинским музеем-заповедником ганнибаловского раритета.

С.С.Гейченко в книге «Пушкиногорье» пишет: «В конце своей жизни Абрам Петрович приобрел для библиотеки ряд церковных книг, в их числе Библию и все двенадцать больших томов книги «Четы-Миней» издания 1768 года. В 1775 году он подарил эти книги в свою помещенную церковь в Суйде. Сделав в ней собственноручную «вкладную записку». Две книги из двенадцати и один лист от третьей книги нам удалось найти и доставить в Михайловское. Удалось приобрести и еще одну редчайшую французскую книгу из библиотеки Ганнибала. Книгу М.Гроциуса «О войне и мире», изданную в 1687 году в Париже, с автографом кардинала Мазарини и оттиском его печати. Эти книги наряду с другими приобретенными мною книгами, характерными для петровского времени, позволят достойным образом украсить кабинет великого предка А.С.Пушкина»²⁹.

Приобрел эти две «Миней» С.С.Гейченко благодаря содействию заведующего, осно-

вателя Древлехранилища Пушкинского Дома В.И.Мальшева. В это время, в начале 70-х годов, шло возведение дома-музея А.П.Ганнибала в усадьбе Петровское, для которого велась активная работа по поиску экспонатов для музейной экспозиции. Узнав из газетной статьи Т.Лазаревой о ганнибаловской реликвии, С.С.Гейченко сразу же направился в Пушкинский Дом. Но в Древлехранилище вместо «Миней» на январь месяц оказалось девять книг, хранящихся с того самого 1937 года. Дело в том, что «Миней», о которой писала Т.Лазарева, была обнаружена В.П.Бударагиным в недрах рукописного архива Пушкинского Дома. Поэтому, ссылаясь на архив С.С.Гейченко (о «Минее» на январь), в котором имеется статья Т.Лазаревой, Е.А.Ступина сделала вывод, что судьба остальных девяти «Миней» неизвестна. Чтобы ганнибаловские раритеты, «Миней» месячные на сентябрь и октябрь 1768 года, «достойным образом» нашли место в экспозиции открывающегося музея в Пушкинском заповеднике, С.С.Гейченко была осуществлена компенсация. По Описи Древлехранилища Пушкинского Дома отдельных поступлений 1974 года за № 23 от С.С.Гейченко поступило:

№ 211. Родословец русский, составленный по указу царя Федора Алексеевича в 1682 году соответственно с пометой писарской. Копия середины XVIII века в лист. 343 листа. Скоропись.

№ 224. Андреа Синибальди. О делах совершенных и путях могущественных царя Петра Великого вождя Московии. Эпиграмма на латинском языке 1698 года. Один печатный лист.³⁰

№ 225. Миниатюра к проложной повести о введении Козьмы игумена. 1 лист. XIX век, первая четверть.

Такова судьба музейной книги «Четы-Миней» на сентябрь месяц 1768 года.

Примечания

1. *Жаров М.* Хождение за три моря. «Веч. Москва», 10 февраля 1958.
2. *Ступина Е.А.* «В деревне, где Петра питомец...»: исторический комментарий к посланию «К Языкову», или О чем ещё не знал А.С.Пушкин в 1824 году // Сб.: Михайловская пушкиниана. Выпуск 36. – Пушкинские Горы – Москва, 2005, с. 188 – 205.
3. Документ, закрепляющий пожалование, дар.
4. *Леец Георг.* Абрам Петрович Ганнибал. Таллин «Ээсти Раамат», 1984; *Павленко Николай.* Ганнибал в Сибири // Нева, 1983, № 8, С. 190-195; *Сергеев Марк.* Жизнь и злоключения Абрама Петрова – арапа Петра Великого. М., 1996. – и другие.
5. *Леец Георг.* Абрам Петрович Ганнибал. Там же. 1984, с. 99 – 103.
6. *Малеванов Н.* Прадед поэта // Звезда, № 6, 1974, с.161 - 163.
7. О встречах поэта с П.А.Ганнибалом свидетельствует сохранившийся фрагмент из автобиографических записок А.С.Пушкина, который датирован Пушкиным: «1824. Ноябрь 19. Михайловское». – См.: *Козми-*

- на Л.В. Автобиографические записки А.С.Пушкина 1821 – 1825 гг. Проблемы реконструкции. М.: Современный писатель, 1999, с. 52 – 63.
8. РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, ед. хр. 19.
9. Малеванов Н. Пушкинский заповедник // На берегах Великой: Псковский литературный альманах. № 5. - Псков. 1954, с. 157.
10. Малеванов Николай. Прадед Пушкина. Там же. С. 160. – Указанный возраст Евдокии в исповедной росписи (15 лет) также приблизителен, как и других четверых детей, так как её дата рождения не установлена. Н.К.Телетова, ссылаясь на краеведа Ларису Бройтман, которая обнаружила в архиве ЦГИА место погребения Евдокии у церкви Благовещения на Васильевском острове, - см.: Лариса Бройтман. «Вечерний Ленинград», 1988, 14 апреля, - указывает дату смерти старшей дочери А.П.Ганнибала – 11 мая 1754. – См.: Телетова Наталья. Жизнь Ганнибала – прадеда Пушкина. СПб.: «Сад искусств», 2004, с. 73.
11. Бессонова А.М. Родословная потомков А.П.Ганнибала. СПб.: «Бельведер», 2000, С. 12 и 148.
12. Ступина Е.А. Там же. С. 194 - 195.
13. Малеванов Николай. Прадед поэта. Там же. С. 160.
14. Новиков Н.С. Псковские усадьбы Ганнибалов (документы против легенд) // Духовный труженик. А.С.Пушкин в контексте русской культуры. СПб.: «Наука», 1999, с.209. – Н.С.Новиков пишет, что в 1747 – 1749 гг. также записаны пятеро детей Ганнибала. Но при этом содержание записи не представляет, имена каких детей записаны в исповедальной росписи? В 1747 году у Ганнибалов родился сын Исаак.
15. См.: сноска в статье Е.А.Ступиной на странице 194.
16. Телетова Наталья. Жизнь Ганнибала – прадеда Пушкина. Там же. С. 78.
17. В 1745 году, согласно поколенной росписи, возраст Х.М.Ганнибал соответствовал 39/40 лет. – См.: Предки А.С.Пушкина (поколенная роспись). – М., 1999, с. 11. – В росписи сведений о дате рождения прабабки поэта не имеется, указывается дата её смерти: «умерла 13.5.1781 г., на 76 году в Суйде, где погребена». Если исходить от этой даты, то Христина-Регина Шеберх, родилась в 1705/1706 году; Н.К.Телетова считает, что «очевидно, в Пернове или Ревеле появляется на свет в 1717/1718 году» Х.М. Шеберх, в замужестве Ганнибал. Ссылки на источник, указывающий дату рождения прабабки поэта, не приводится. Но если исходить от предположений Н.К.Телетовой, то Х.М.Ганнибал в 1745 году было 27/28 лет. – См.: Жизнь Ганнибала – прадеда Пушкина. Там же. С.72-73.
18. В архиве Пушкинского заповедника имеются две фотокопии плана основной части имения. Одна черно-белая – ПЗ/ВСП – 58212, которая находится в экспозиции дома-музея Ганнибалов в Петровском, другая в цвете – ПЗ/ВСП – 1883/1963. Подлинник плана находится в Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА) в Москве. – Землемеры во время межевания составляли «межевую книгу», по которой вычерчивался план. Подлинная «межевая книга» сельца Петровского находится в архиве Пушкинского заповедника.
19. Новиков Н.С. Летопись сельца Михайловского и окрестностей, которую вели местные священнослужители. // Духовный труженик. А.С.Пушкин в контексте русской культуры. СПб, 1999, с.202.
20. Козмина Л.В. История и мифакт в судьбе Петровского // Сб.: Михайловская пушкиниана. Выпуск 37. – Пушкинские Горы – Москва, 2005, с. 138 – 146.
21. Голубев В.З. Из истории Пушкинского заповедника // Временник Пушкинской комиссии. Москва Ленинград: Академия наук СССР, 1941, № 6, с. 384.; Малеванов Н. Пушкинский заповедник. // Псковский литературный альманах. На берегах Великой. – Псков, № 5, 1954, с. 158.
22. Телетова Н.К. О материалах к истории сельца Михайловского // Альманах. Пушкинский музеум. Выпуск 3. – СПб.: «Дорн», 2002, с. 109.
23. Ступина Е.А. Библиотека А.П.Ганнибала // Сб. Михайловская пушкиниана. Выпуск 37. – Пушкинские Горы – Москва, 2005, с. 23 – 50.
24. Ступина Е.А. «Геометрия и фортификация» А.П.Ганнибала // Там же. С. 53 - 58.
25. Сергеев Марк. Жизнь и злочючения Абрама Петрова – арапа Петра Великого. М., 1996, с.46-48.
26. Сергеев Марк. Там же. С. 27.
27. Ступина Е.А. «Миняя» Абрама Петровича Ганнибала // Сб. Михайловская пушкиниана. Выпуск 37. – Пушкинские Горы – Москва, 2005, с.66-68.
28. А.Н.Лбовский – гатчинский краевед и собиратель, а в то время хранитель Красногвардейского краеведческого музея. А.В. Бурлаков, директор Суйдинского музея сообщает: «по инициативе А.Н.Лбовского в Суйду из Ленинграда прибыла группа научных сотрудников Пушкинского Дома. Узнав, что в местном храме имеются книги, подаренные Ганнибалом, они специальным постановлением изъяли их и передали на хранение в Пушкинский Дом, а одну из этих реликвий в Красногвардейский краеведческий музей. Сюда же попала и обнаруженная в церкви «Библия» с надписью «Боярину и Сенатору Петру Матвеевичу Апраксину 1716 года», принадлежащая в петровскую эпоху владельцу Суйдинской мызы». Судьба этих книг, доставшихся музею, не известна. По предположению А.Бурлакова, - «видимо, они погибли в годы войны вместе с другими экспонатами краеведческого музея». – См.: Бурлаков Андрей. Судьба библиотеки Ганнибала. Суйда 1996, с. 3.
29. Гейченко С.С. Пушкиногорье. М., 1981, с. 184.
30. Листовой материал, будучи обретенным, был опубликован по материалам Древлехранилища в 1985 году. - См.: Н.И.Николаев, С.И.Николаев. Лагинское стихотворение 1698 года в честь Петра I. - Древнерусская книжность Пушкинского Дома // Ответственный редактор - А.М.Панченко. Л.: «Наука», 1985.